

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ГЕРПЕТОЛОГИИ В РОССИИ

*100-летию со дня рождения
двух замечательных советских герпетологов —
Павла Викторовича Терентьева (1903—1970) и
Сергея Александровича Чернова (1903—1964) —
посвящается*

Как известно, первые научные сведения о земноводных (амфибиях) и пресмыкающихся (рептилиях) появились уже в античное время. Для фауны нашей страны письменные (рукописные) источники с отрывочными сведениями о змеях и прочих «гадах» стали накапливаться, начиная со средневековья (XI век). Сам термин «герпетология» впервые был предложен в 1755 г. в книге «Tentamen Herpetologiae» Якоба Теодора Кляйна (J. Th. Klein, 1685—1759), немецкого натуралиста, родившегося в Кенигсберге (ныне Калининград) и умершего в Данциге (Гданьск). Следует, правда, отметить, что под этим термином он объединял всех безногих существ, включая червей, противопоставляя им четырехногих амфибий, ящериц, черепах и т. д. Можно также отметить, что отец современной систематики шведский натуралист Карл Линней (1707—1778) всех амфибий и рептилий поместил в один класс животных, названный им Amphibia.

К сожалению, история развития герпетологии в России практически не привлекала к себе должного внимания. В 1957 г. в «Трудах Института истории естествознания и техники АН СССР» П. В. Терентьев напечатал интересную статью «Материалы к истории отечественной герпетологии». Данная работа фактически единственная, в которой дается краткий обзор развития этой важ-

ной ветви зоологии позвоночных животных за все время ее существования в России. Кроме того, имеются также относительно немногочисленные публикации, так или иначе относящиеся к данной тематике (некрологи, хроника, воспоминания, очерки деятельности отдельных ученых или организаций и т. д.). На этом фоне история развития смежных зоологических дисциплин (ихтиологии, орнитологии, териологии) в России изучена гораздо полнее.

В последние годы намечается растущий интерес к истории герпетологии и со стороны самих герпетологов. Анализ истории этой науки важен также для понимания закономерностей развития зоологии в целом, так как каждая из ее отраслей имеет свою специфику. Развитие любой науки происходит неравномерно. Это позволяет выделять те или иные периоды, или стадии развития, которые имеют свои особенности.

В развитии герпетологии в России можно различать шесть основных периодов, краткая характеристика которых дается ниже (после фамилий приводятся годы жизни или режизе тех или иных публикаций).

Хочу сразу заметить, что в анализе развития герпетологии я опирался на определенные науковедческие представления. Согласно социологии науки, наука — это социокогнитивная система, так как творческая научная деятельность происходит в неких социальных обстоятельствах, которые в той или иной степени могут влиять на развитие идей (то есть на когнитивный процесс). Это, кстати, хорошо видно на примере истории герпетологии. Так, большие успехи именно отечественных ученых в изучении герпетофауны Средней Азии во второй половине XIX века во многом были обусловлены экспансией России в Туркестан.

При выделении периодов в развитии отечественной герпетологии я старался использовать как когнитивные, так и институциональные черты. Под последними имеются в виду скла-

дывающиеся (или уже сложившиеся) социальные нормы и структуры (институции) в науке. Например, учреждение университетов, создание в XIX веке научных обществ в Москве и других городах и издание соответствующих журналов и трудов весьма благотворно повлияли на развитие герпетологии в России, содействуя активизации деятельности натуралистов, не связанных с Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге.

1. Период предыстории

Сведения об амфибиях и рептилиях отрывочны, не связаны друг с другом, большей частью имеют сакрально-мифологизированный или сугубо прикладной характер. Народные и научные (в контексте того времени) представления о классификации и эволюции этих животных практически совпадают. Спектр источников весьма разнообразен по стилю и жанру, и можно выделить семь их категорий: 1 — народные представления, отраженные в памятниках этнографического характера и частично попавшие в научную и медицинскую литературу; 2 — хронографы и космографии, особенно популярна была в XVII веке «Космография» (1637 и 1670 гг.), представляющая собою переработанный русским переводчиком текст знаменитого «Атласа» Г. Меркатора; 3 — так называемые «физиологи», бестиарии, преимущественно византийского происхождения; 4 — сочинения медицинского предназначения (травники или лечебники) с рекомендациями для лечения укусов ядовитых змей; 5 — описания странствий российских подданных; 6 — сочинения античных или западноевропейских авторов (например, Аристотеля или Марко Поло); и, наконец, 7 — сочинения иных жанров (например, змеи упоминаются в «Слове о полку Игореве»). Написаны все эти произведения были, как правило, на древнерусском или церковно-славянском языке. Период предыстории охватывает длительный промежуток времени от

средневековья (Киевская Русь) до начала XVIII века. Многие сочинения были связаны с Москвой или Московской Русью. Наиболее интересным с точки зрения герпетологии можно считать описание Китайского государства, в 1675 г. подготовленное Николаем Спафарием (1625/35?–1708), посланником московского царя Алексея Михайловича в Китай. В этом сочинении дается характеристика китайских провинций с нередким упоминанием змей, черепах, крокодилов и т. д.

II. Переходный до-линнеевский период

В этот период появляются первые научные (в современном смысле) описания герпетологических коллекций. Сведения о низших наземных позвоночных в отчетах путешествий, хотя и могут иметь отрывочный характер, однако не мифологизируются авторами сочинений. Латинские названия животных многословны, выполнены в традиционном стиле, не основаны на бинарной номенклатуре Карла Линнея и фактически не являются научными названиями в таксономическом смысле. Работы переходного периода подразделяются на две группы: каталоги и страноведческие сочинения или отчеты путешествий. Данный период охватывает первые две трети XVIII века.

В качестве примера можно привести «Натуральную курьезную историю Королевства Польского и Великого княжества Литовского», опубликованную в Сандомире (Польша) на латыни в 1721 г. польским иезуитом Габриэлом Ржачинским и содержащую также сведения о природе западной России, Белоруссии и Украины. В этой книге, разделенной на 20 «трактатов», описания реальных змей, ящериц и жаб в 9-м трактате перемежаются с мифическими историями о драконах, василисках и т. д. Тем не менее, ссылки на эту книгу изредка попадаются в научных трудах 1860–1920 гг. (например, у К. Ф. Кесслера, 1853; А. А. Штрауха, 1873 или А. М. Никольского, 1916).

В отличие от этого сочинения 1-ю часть 1-го тома Императорского Петербургского музея («*Musei Imperialis Petropolitani Vol. I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animali*»), то есть первый каталог Кунсткамеры, изданную также на латыни в 1742 г., следует считать полноценным научным сочинением. По справедливому замечанию академика Ф. Ф. Брандта (1865), этот музейный каталог был первой из «ученых работ» по зоологии в России в рамках современной науки. Авторство каталога, однако, до сих пор достоверно не установлено, и среди историков науки на эту тему бытуют разные мнения (см.: Боркин, 2000). Герпетологический раздел («*Catalogus amphibiorum*») этой небольшой по формату книги включает 56 страниц и описывает 887 экспонатов, в том числе амфибий (89), черепах (38), ящериц (292) и змей (468). Часть из них, возможно, все еще хранится в нынешних коллекциях Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге.

Сведения об амфибиях и рептилиях в региональных сводках и отчетах путешествий Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), Г. В. Стеллера (1709–1746), С. П. Крашенинникова (1711–1755) и П. И. Рычкова (1712–1777), собранные в первой половине XVIII века, единичны, отрывочны и не внесли существенного вклада в развитие отечественной герпетологии.

III. Период становления герпетологии

Начало этого периода самым тесным образом связано со знаменитыми так называемыми «физическими» экспедициями, организованными Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге в последней трети XVIII века (подробнее см.: Боркин, 2001). Для данного периода уже характерно применение классификации, разработанной К. Линнеем (1758). Так, краткое упоминание «*Testudo geometrica Linn.*» из окрестностей Павловска-на-Дону, данное Самуилом Гмелиным (1770), было первым применением бинарной номенклатуры в истории

нашей герпетологии. Появляются также первые описания новых для науки видов герпетофауны России и прилегающих территорий, в том числе таких весьма обычных лягушек и ящериц как «*Rana ridibunda*», «*Lacerta velox*» (ныне *Eremias*), «*Lacerta helioscopa*» (ныне *Phrynocephalus helioscopus*) и других (Pallas, 1771). Впервые сведения по герпетологии стали публиковаться в виде самостоятельных статей, а не просто упоминаться в тексте работ более общего содержания. Первой такой статьёй в России следует считать описание П. С. Палласом (1775) безногой ящерицы желтопузика «*Lacerta apoda*» (ныне *Pseudopus apodus*) в качестве нового для науки вида.

Именно в этот период намечаются основные направления развития отечественной герпетологии, которые наиболее широко развернутся в последующие периоды: систематика, фаунистика, морфология, паразитология. Научными языками данного периода были преимущественно латинский и немецкий, реже русский и французский. Кстати, именно в феврале 1771 г. появилась первая в истории герпетологии работа русского натуралиста, к тому же опубликованная по-русски. Это был первый том «Дневных записок путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году». Помимо Санкт-Петербурга, натуралисты работали еще в нескольких городах Российской Империи. Третий период охватывает промежуток времени от последней трети XVIII до середины XIX века, то есть 1770–1860 гг.

Этот период можно подразделить на два этапа (или эпохи). *Первый этап* (1768–1814 гг.) — это эпоха упомянутых выше академических экспедиций, или, если использовать какое-нибудь ключевое, символическое имя, эпоха Петра Симона Палласа (1741–1811). Помимо него, важный вклад в становление герпетологии в России внесли уже цитированные

С. Г. Гмелин (1744–1774), И. И. Лепёхин (1740–1802), а также И. А. Гильденштедт (1745–1781), И. П. Фальк (1732–1774) и И. Г. Георги (1729–1802). Кроме того, в 1790-е годы было издано несколько работ со сведениями по герпетофауне северо-запада России и Прибалтики. Начало первого этапа можно датировать первым годом (началом) «физических» экспедиций (1768 г.) или по году публикации первого из отчетов натуралистов-путешественников (1770 г.). Конец первого этапа определяется по дате публикации третьего тома знаменитой «Zoographia Rosso-Asiatica» П. С. Палласа (1814), содержащего сведения по амфибиям и рептилиям тогдашней Российской Империи. Данный этап интересен еще и тем, что знаменует собою появление первых сводок по герпетофауне страны. Так, «Зоография» содержала описания 55 видов, в том числе 12 видов земноводных и 43 видов пресмыкающихся.

Второй этап (1814–1860 гг.) третьего периода характеризуется заметной географической диверсификацией центров герпетологических исследований. Если ранее натуралисты были связаны с Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге, то теперь авторы сочинений герпетологического толка работали в университетах нескольких российских городов: Вильно (Людвиг Боянус, 1776–1827; Эдуард Эйхвальд, 1795–1876), Киев (Антон Анджейовский, 1785–1839); Казань (Эдуард Эверсманн, 1794–1860), Харьков (Иван Криницкий, 1797–1838; Александр Чернай, 1821–1898).

Важным центром в развитии отечественной герпетологии в эти годы становится также Москва. Профессор Московского университета Иван Двигубский (1771–1839), начавший свои исследования по фауне Московской губернии еще в 1802 г., в 1832 г. опубликовал свой обзор по герпетофауне Российской Империи. Следует отметить, что это была первая работа такого рода, напечатанная на русском языке; до этого они печата-

лись на немецком или латинском языках. Развитию герпетологии стало заметно способствовать и Московское общество испытателей природы (МОИП), созданное в 1805 г. Уже в 1809 г. оно напечатало в своих «Мемуарах» герпетологическую заметку И. А. Двигубского. Принципиально важно, что это первое в России естественно-научное общество объединяло вокруг себя не только москвичей, но и натуралистов из многих других городов. Именно в его изданиях («Новые мемуары» и «Бюллетень»), цензором которых, между прочим, был Иван Двигубский, были опубликованы известные герпетологические работы А. Л. Андржейевского (1832), Э. А. Эверманна (1834), И. А. Криницкого (1837), а также Р. Ф. Гогенакера (1831, 1837), А. В. Черная (1851). Последний, кстати, родился в Санкт-Петербурге, некоторое время работал в Императорском Зоологическом музее (ныне ЗИН РАН), но с 1845 г. был связан с Харьковским университетом.

В 1853 г. под названием «Животные земноводная» вышла статья К. Ф. Кесслера (1815–1881), профессора киевского Университета Святого Владимира. Она завершила обзор наземных позвоночных Киевского учебного округа, включавшего пять губерний. По мнению С. Л. Кузьмина (1999, с. 11), «эта статья, опубликованная отдельным выпуском в двух изданиях, 1850 и 1853 гг., фактически была первой специальной *батрахологической книгой* в Российской Империи» (курсив мой — Л. Б.). К сожалению, это утверждение ошибочно в двух аспектах. Во-первых, данная работа К. Ф. Кесслера была именно статьей (это указано даже на ее титульной странице!), входившей во второй том «Трудов Коммисии» (sic!) при университете, а не отдельной книгой. Во-вторых, это был в целом обычный обзор герпетофауны региона, включавший описания как амфибий, так и *рептилий* (!), которых Кесслер относил к одному и тому же классу земноводных (как и Карл Линней).

На мой взгляд, в истории российской герпетологии рассматриваемая работа К. Ф. Кесслера занимает особое положение по двум следующим причинам. В ней впервые помимо описания внешней морфологии вида приводятся сведения по изменчивости, распространению и *образу жизни*, причем последние два раздела были выделены в самостоятельную часть видовых очерков. Для каждого вида К. Ф. Кесслер дает с большей или меньшей полнотой данные по биотопическому распределению, фенологии, размножению, развитию, питанию, линьке, поведению и значению для человека. Таким образом, статью К. Ф. Кесслера можно считать первым региональным *эколого-фаунистическим* исследованием, структура видового очерка которого во многом сохранилась в отечественной герпетологии до сих пор. Кроме того, он первым в России употребил термин «*эрпетологи*», назвав так знаменитых французских герпетологов Констана Дюмериля (1774—1860) и Габриэля Биброна (1806—1848). Это слово он явно позаимствовал из их многотомного сочинения «Общая герпетология, или Полная естественная история рептилий» («*Erpétologie générale ou Histoire naturelle complète des Reptiles*»), которое было использовано в работе. Новизну статьи К. Ф. Кесслера легко почувствовать, сравнив ее с почти одновременно вышедшей «Фауной Харьковской губернии» А. В. Черная (1852).

В 1855 г. в Москве учеником К. Ф. Рулье (1814—1858) Н. А. Северцовым (1827—1885) была опубликована книга «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии», в которой впервые был применен не систематико-фаунистический, а экологический подход к изучению наземных позвоночных, включая амфибий и рептилий. Между прочим, именно в этой замечательной книге, ставшей вехой в развитии всей российской экологии, по-видимому, впервые в нашей зоологии амфибии и рептилии были отнесены к двум

самостоятельным классам позвоночных животных. В ней также Н. А. Северцов (1855, с. 382) со ссылкой на К. Дюмериля и О. Биброна употребил термин «эрпетология».

Среди петербуржцев наиболее заметные работы по герпетологии были опубликованы Э. П. Менетрие (1802—1861) и Ф. Ф. Брандтом (1802—1879). Следует также упомянуть сведения (1840) по понтийской герпетофауне А. Д. Нордмана (1803—1866), а также результаты путешествий по Сибири и Дальнему Востоку уроженцев Прибалтики А. Ф. Миддендорфа (1815—1886) и Р. К. Маака (1825—1886).

Если сопоставить годы публикаций, то в ходе второго этапа по количеству и качеству научных работ явно выделяются 1830-е и 1850-е годы. Таким образом, можно говорить о неоднородности этого этапа. Действительно, именно в 1850-е годы появились труды Черная (1851, 1852), Миддендорфа (1853) и Маака (1859), а также Кесслера (1853).

IV. Период оформления герпетологии как самостоятельной дисциплины

Начало этого периода, несомненно, определяется деятельностью Александра Штрауха (1832—1893), впоследствии академика и директора Императорского Зоологического музея в Санкт-Петербурге, в городе, где он родился. Завершается данный период публикацией в Петрограде трех томов профессора А. М. Никольского (1858—1942) в серии «Фауна России и прилегающих стран» с описанием всех известных тогда видов амфибий и рептилий Российской Империи (1915—1918).

Данный период характеризуется появлением целого ряда капитальных монографий и сводок по отдельным группам амфибий и рептилий, а также региональных сводок, выполненных преимущественно на основе изучения быстро растущих музейных коллекций, в первую очередь Санкт-Петербурга и Москвы. Выдающийся вклад был внесен в изучение герпетофауны

Средней и Центральной Азии, Кавказа и Дальнего Востока. Основным научным языком сначала был немецкий, который к концу XIX века был почти полностью вытеснен русским. Для четвертого периода характерен также интерес европейских, в меньшей степени американских, зоологов к российской герпетофауне, выражавшийся в интенсивном обмене коллекциями и в росте зарубежных публикаций с описанием видов российской герпетофауны. Основными направлениями исследований, как и ранее, оставались систематика и фаунистика; получили также развитие гистология и физиология амфибий и рептилий. Четвертый период охватывает промежуток времени примерно от 1860-х до начала 1920-х годов.

Этот период также распадается на два этапа. *Первый* из них (1860—1895 гг.) характеризуется яркой фигурой первого профессионального герпетолога России А. А. Штрауха и может быть назван его именем. За начало этого этапа и всего четвертого периода мною взяты 1860-е годы, так как с 1861 г. Штраух, по его словам, «<...> вступил в управление эрпетологической коллекцией <...>» Императорского Зоологического музея, а с 1862 г. стали печататься его многочисленные капитальные герпетологические публикации, как правило, монографического характера и на немецком языке. Они по праву принесли Штрауху и музею заслуженную широкую известность среди коллег не только в России, но и за ее пределами.

Помимо этого, в 1870-е годы появляются работы с новыми сведениями о гадах Сибири (Б. И. Дыбовский, 1833—1930), Закавказья (Кесслер, 1878) и другие. В Москве в это же десятилетие публикует свои труды по Туркестану Н. А. Северцов (1873, 1879), ряд статей по герпетофауне европейской части России и Урала с 1869 г. печатает Л. П. Сабанев (1844—1898), а с 1880-х годов — Н. М. Кулагин (1859—1940) и Н. Л. Гондатти (1888). Издается первый каталог

герпетологических коллекций Зоологического музея (Кулагин, 1888).

Любопытно, что в Москве в 1872 г. во время выставки Политехнического музея в Охотном ряду открылся первый в России публичный террариум (Терентьев, 1957). Летом 1878 г. в лаборатории Зоологического сада было устроено 45 террариумов, «<...> из коих 19 приспособлены были для различных животных, а именно: а) террарий для взрослых гадюк, б) 4 террария для медянок из различных местностей, с) террарий для ужей, d) два террария для ящериц, e) два террария для черепах, два террария для жаб, f) террарий для бомбинатора [то есть жерлянок — Л. Б.], h) 3 террария для лягушек и к) 4 террария для аксолотлей и тритонов. Гадюки и медянки размножались в террариях» (Богданов, 1888, стлб. 77; подробнее см. Иков, 1878; Насонов, 1878).

С 1880-х годов активизируются фаунистические обследования обширного Волжского края (А. М. Никольский; Н. А. Варпаховский, 1862—1909; Л. К. Круликовский, 1865—1920; в 1890-е годы М. Д. Рузский, 1864—1948).

Второй этап (1895—1918 гг.) четвертого периода можно назвать эпохой *А. М. Никольского*. Его начало лучше всего датировать 1895 г., когда Никольский, бывший выпускник Петербургского университета (родом из Астрахани) и уже плодотворно работающий зоолог, после смерти А. А. Штрауха (1893 г.) в качестве куратора возглавил герпетологическое отделение Императорского Зоологического музея в Санкт-Петербурге, приступив к интенсивным герпетологическим исследованиям. Эта смена кураторов во многом оказалась символичной. Немецкая линия в российской герпетологии, которая в течение более столетия доминировала, по крайней мере в Петербурге (но не в Москве!), угасла, а русский язык стал основным в научной литературе. Любопытно, что А. М. Ни-

кольский, хорошо знавший немецкий язык, в отличие от своих предшественников, никогда не пользовался им при написании статей. Уже с 1896 г. он начинает печатать сугубо герпетологические работы. В 1899 г. Никольский, обработав интереснейшие коллекции трагически погибшего в молодом возрасте, но уже известного путешественника А. П. Федченко (1844—1873), опубликовал в Москве «Herpetologia Turanica». Эта книга была первой в целой серии его герпетофаунистических монографий. Символично, что первоначально коллекцию Федченко изучал А. А. Штраух.

В эпоху Никольского быстро растет число работ по герпетофауне разных регионов Российской Империи и прилегающих территорий, описывается большое число новых видов земноводных и пресмыкающихся. Так, серия работ по герпетофауне Сибири была опубликована Н. Ф. Кащенко (1855—1935), С. М. Чугуновым, М. Д. Рузским, по герпетофауне Причерноморья и Кавказа — А. А. Браунером (1857—1941), А. Ф. Ляйстером (1844—1941), К. М. Дерюгиным (1878—1938), А. Б. Шелковниковым (1870—193..?), А. М. Шугуровым (1881—1912), П. В. Нестеровым и другими. Каталоги коллекций амфибий (1913) и рептилий (1915) Санкт-Петербургского университета были подготовлены Н. С. Дороватовским (1889—1984) и С. Ф. Царевским (1887—1965?). Между прочим, после переезда в Москву (после революции) Н. С. Дороватовский был тесно связан с журналом «Наука и жизнь» (с 1934 г. — года его создания) и МОИП (ученый секретарь с 1952 г.). Венцом всех дореволюционных исследований стала уже упоминавшаяся фундаментальная трехтомная сводка А. М. Никольского (1915—1918) по герпетофауне России.

Среди работ москвичей нельзя не назвать интересные исследования по морфологии амфибий и рептилий, выполненные А. Н. Северцовым (1866—1936), И. И. Шмальгаузенем

(1884—1963), а также другими учениками А. Н. Северцова, входившими в его московскую школу (С. Н. Боголюбский, 1885—1976; Б. С. Матвеев, 1889—1973; Е. В. Рылкова и другие). Серию работ по эмбриологии и экспериментальному морфогенезу у амфибий напечатал Д. П. Филатов (1876—1943), а по морфологии сибирского углозуба — В. Д. Лепёшкин (1916). Фаунистические сведения и некоторые наблюдения по биологии сибирского углозуба опубликовали Б. М. Житков (1872—1943), В. С. Елпатьевский (1877—1957) и Л. П. Сабанеев. Несколько статей по герпетофауне Оренбургского края (1896), Персии (1897, 1904) и Арала (1915) напечатал Н. А. Зарудный (1859—1919), в 1880-е годы тесно сотрудничавший с Московским обществом испытателей природы.

В самом конце XIX — начале XX веков работы в области палеогерпетологии опубликовали петербуржцы В. П. Амалицкий (1860—1917) и А. Н. Рябинин (1874—1942), продолживший свои исследования и после революции 1917 г.

Эпохи Штрауха и Никольского объединяла деятельность Я. В. Бедряги (1854—1906). Бывший студент Московского университета, родом из Воронежской губернии, он из-за слабого здоровья жил преимущественно на юге Западной Европы, не теряя, однако, связей с родиной. Я. В. Бедряга стал известным герпетологом европейского масштаба, опубликовав, в частности, в Москве первый в истории обзор по герпетофауне Греции (1880 г.) и батрахофауне Европы (1889—1897 гг.). Кроме того, он напечатал крупную сводку по ящерицам семейства Lacertidae (1886 г.) и обработал замечательные богатые коллекции по герпетофауне Средней и Центральной Азии (1898—1912 гг.), хранившиеся в Зоологическом музее Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. По воспоминаниям А. М. Никольского (1966, с. 98), «Проживая за границей, он [Бедряга — Л. Б.] настолько забыл русский язык,

что не решался писать свои ученые работы на русском языке. Когда наша Академия наук предложила ему обработать герпетологический материал, собранный Н. М. Пржевальским, он обработал его и написал свои исследования на немецком языке, и просил меня перевести его работу на русский язык. Работа была напечатана Академией наук на этих двух языках».

V. Период советской герпетологии

В этот период герпетология как наука достигает своего максимального институционального развития, особенно после Великой Отечественной войны. Заметно расширяется география и число организаций, в которых работают герпетологи. Увеличивается также дисциплинарный спектр исследований, в том числе формируются новые направления, как-то: экология, генетика, биохимия, токсикология и т. д. Проводятся многочисленные общесоюзные, региональные и тематические герпетологические конференции, совещания и семинары. Издаются многочисленные герпетологические сборники («Герпетология» и другие) и монографии. Формируются целые группы профессиональных герпетологов и токсикологов в разных городах России (Ленинград, Москва, Казань, Горький, Свердловск, Ставрополь, Краснодар, Владивосток, Барнаул и другие) и в республиках СССР (Киев, Ашхабад, Алма-Ата, Фрунзе, Минск и т. д.). В самом конце данного периода создается первое профессиональное общество советских герпетологов (Киев, 1989 — Пуццино, 1991). Подавляющее число работ печатается на русском языке, как исключение, на немецком и английском. Этот период охватывает 1920—1980 гг.

Данный период можно подразделить на два этапа. *Первый* из них охватывает промежуток времени с 1921 по 1964 год и может быть назван *этапом институционального роста советской герпетологии*. Почему отсчет этого этапа (и всего пятого периода) предлагается мною вести с 1921 г.? Фор-

мально первая послереволюционная герпетологическая публикация появилась уже в 1917 г. (Терентьев, 1957). Это была статья Н. В. Шарлеманя (1887—1970) о герпетофауне окрестностей Киева. В 1917 и 1918 гг. в Киеве и Москве вышли две статьи Б. А. Домбровского (1885—1973) по морфологии амфибий. Наконец, в 1918 г. в Петрограде был издан том «Амфибии» А. М. Никольского, а в Москве статья Д. К. Третьякова (1878—1950) из Одессы о зрачках амфибий. Однако все эти работы, весьма различные по содержанию, были выполнены скорее всего еще до революции.

Годы гражданской войны не способствовали научной, а тем более экспедиционной и издательской деятельности. Публикация журналов и научных трудов оживилась лишь после окончания войны. Например, «Бюллетень Московского общества испытателей природы» за 1917 г. вышел лишь в 1922 г., а за 1918—1922 гг. — в 1924 г., хотя научная жизнь при этом, конечно, не останавливалась. Третий том «Русского зоологического журнала», который начали выпускать в Москве под своей редакцией Н. А. Северцов и В. С. Елпатьевский, профессор и приват-доцент Московского университета соответственно, был издан только в 1922 г. (т. 1 — в 1916 г., т. 2 — в 1918 г.). «Ежегодники Зоологического музея Российской Академии наук» за 1917—1921 и 1918—1922 гг. (т. 22 и т. 23) появились оба в Петрограде в 1922 г. В последнем из них не было ни одной герпетологической статьи. Статья же С. Ф. Царевского (т. 22) с описанием сборов В. Я. Лаздина (1915) была представлена к печати еще 30 марта 1916 г. В 1917 г. коллекции амфибий и рептилий этого музея обогатились на 273 экземпляра. В отчете было сухо сказано: «В связи с переживаемыми событиями поступлений за отчетный год было сравнительно мало». Фактически лишь начиная с 1921 г. (первая статья молодого П. В. Терентьева, напечатанная в Иваново-Вознесенске), гер-

петологические работы стали публиковаться ежегодно с возрастающей частотой.

По справедливому замечанию П. В. Терентьева (1957, с. 105), в советский период число герпетологических публикаций росло «<...> столь быстро, что не представляется возможным дать им здесь даже простое перечисление». Самое главное, на мой взгляд, следующее. Если до революции герпетологией более или менее на постоянной основе (или преимущественно) занимались единицы, то в советский период следует говорить о многих десятках герпетологов. Резко расширилась география самих кадров. Помимо традиционных Ленинграда и Москвы, появились целые группы герпетологов во многих бывших республиках Советского Союза. На Дальнем Востоке активно стал работать А. А. Емельянов (1878—1946), первая статья которого о змеях появилась еще в 1916 г. В Средней Азии выпускник Московского университета Д. Н. Кашкаров (1878—1941) создал новое научное направление в герпетологии — эколого-фаунистические исследования, а также свою экологическую школу в Ташкенте и Ленинграде. На первом этапе советского периода оформилась полевая экология амфибий и рептилий (работы А. М. Андрушко, 1906—1981; Б. А. Красавцева, 1909—1943, и многих других), зародилась экологическая физиология (Л. И. Хозацкий, 1913—1992, и другие), были начаты исследования по генетике (В. Ф. Натали, 1923) и кариологии (А. А. Прокофьева, 1934, 1935) амфибий, большое внимание уделялось экспериментальной эмбриологии и работам по морфогенезу, изучению ядов и т. д.

Стала быстро развиваться палеогерпетология, в том числе изучение ископаемых представителей современных групп амфибий и рептилий. Уже в 1920-е годы вышли известные работы А. Н. Рябина и П. П. Сушкина (1868—1928). Биография последнего весьма любопытна. Выпускник Московского уни-

верситета, ученик академика М. А. Мензбира, ставший замечательным орнитологом и зоогеографом, с 1909 г. профессор Харьковского университета, Сушкин после революции переезжает в Петроград, где наряду с птицами глубоко изучает древних амфибий и рептилий.

Другой выпускник Московского университета П. В. Терентьев (1903—1971) первым еще в 1920-е годы стал применять биометрические методы для изучения изменчивости видов, а также в целях систематики. Именно в советское время в ряде учреждений усиленно развивались также паразитология и токсикология амфибий и рептилий. Традиционные направления отечественной герпетологии — систематика и фаунистика — охватили почти всю территорию СССР. Несомненно одним из определяющих событий этапа институционального роста советской герпетологии было издание в Москве в 1949 г. полного (3-е издание) «Определителя пресмыкающихся и земноводных» П. В. Терентьева и С. А. Чернова (1903—1964). Эта книга, совершенно очевидно, составила веку в нашей герпетологии, а ее авторы, ставшие лидерами, во многом определяли развитие этой науки в СССР. Поэтому с полным правом *первый этап* развития советской герпетологии можно также именовать *эпохой Терентьева — Чернова*.

В 1920—1930-е годы Москва дала целую плеяду известных герпетологов, так или иначе связанных с университетом, зоомузеем и зоопарком. Помимо П. В. Терентьева, следует назвать его друга и соратника по студенческим годам Н. В. Шибанова (1903—1960); А. М. Сергеева (1912—1943), оставившего ряд замечательных исследований по экологии и эмбриологии; А. Г. Банникова (1915—1985), начавшего свои работы по экологии черепах и амфибий еще в довоенное время. Нельзя не упомянуть также работы С. Д. Перелешина (1900—1959) по биометрическому изучению подвидов у прыткой яще-

рицы (1929), Н. И. Соболевского (1901–1975) по герпетофауне Алтая и Тальша (1929), Г. В. Залежского (?–?) по динамике численности амфибий (1938), В. Г. Гептнера (1901–1975) по гадам Бадхыза (1945) и другие.

После Второй мировой войны стали печатать свои интересные герпетологические работы выпускники Московского университета И. С. Даревский (с 1946 г.), Л. Г. Динесман (с 1948 г.) и другие. В 1950-е годы И. И. Шмальгаузен и его учениками (Е. Д. Регель, 1915–2003; И. М. Медведева; Н. С. Лебедкина, 1918–2000; А. С. Северцов и другие) были проведены обширные исследования по эволюционной морфологии амфибий. В 1964 г. эти работы были подытожены в блестящей монографии И. И. Шмальгаузена «Происхождение наземных позвоночных», изданной в Москве. Любопытно, что в этом же году также в Москве в серии «Основы палеонтологии» был выпущен объемистый том, посвященный ископаемым амфибиям и рептилиям. В этой замечательной книге были подведены итоги многолетних изысканий отечественных палеогерпетологов, многие из которых работали в Москве, в том числе с довоенных лет (И. А. Ефремов, 1907–1972; Е. Д. Конжукова, 1902–1961; Н. И. Новожилов; Б. П. Вьюшков, 1926–1958; А. К. Рождественский, 1920–1983; Е. А. Малеев, 1915–1966; Л. П. Татаринев, П. К. Чудинов и другие).

В рамках этапа институционального роста советской герпетологии (1921–1964 гг.), в свою очередь, по-видимому, полезно различать два отрезка времени: 1921–1949 гг. и 1950–1964 гг. Рубежом следует считать год издания классического определителя П. В. Терентьева и С. А. Чернова (1949).

Второй этап (1965–1991 гг.) советского периода по праву можно назвать эпохой расцвета советской герпетологии. Начало этого этапа образует октябрь 1964 г., когда по инициативе П. В. Терентьева состоялись два важных институцио-

нальных события: в Ленинграде прошла Первая Всесоюзная герпетологическая конференция и был создан Герпетологический комитет (при Академии наук СССР). В обоих случаях председателем был избран Терентьев. Впоследствии были организованы еще шесть Всесоюзных конференций (Ленинград — 1966, 1973, 1977 гг.; Ашхабад — 1981 г.; Ташкент — 1985 г.; Киев — 1989 г.), тезисы докладов которых, кроме второй, были опубликованы под ставшим с тех пор традиционным заголовком «Вопросы герпетологии». В октябре 1968 г. в Ташкенте состоялась Среднеазиатская конференция «Ядовитые животные Средней Азии и их яды»; в 1970 г. был выпущен сборник материалов этой конференции (под тем же названием).

Помимо всесоюзных, с 1978 г. по предложению автора этих строк стали проводиться также региональные конференции (Первая конференция по герпетофауне Дальнего Востока и Сибири — Владивосток, 1978; Первая Кавказская конференция — Тбилиси, 1983; симпозиум по герпетофауне Урала, Сибири и Дальнего Востока — Свердловск, 1984; Первая конференция по изучению герпетофауны северо-запада СССР — Таллин, 1988), а также многочисленные тематические совещания и семинары: по зеленым лягушкам — Калининград (1979 г.), Минск (1982 г.) и Рига; по охране и разведению амфибий и рептилий — Москва (1985 г.); по радиационной герпетологии — Ленинград, (1988 г.); по систематике и экологии хвостатых амфибий — Москва (февраль 1991 г.) и другие. Таким образом, подобного рода мероприятия стали вполне обыденным делом, чего не было раньше. Заметно усилился поток книг и сборников. Достаточно сказать, что подавляющее большинство их (около 60) вышло именно после 1964 года!

Период расцвета характеризовался также важным расширением контактов между советскими и зарубежными герпетолога-

ми. Так, большая группа советских коллег из разных городов и республик СССР участвовала в Европейской герпетологической конференции в Праге (1985 г.), в Первом Всемирном конгрессе по герпетологии в Кентербери, Англия (1989 г.).

В 1989 г. в Киеве на Седьмой Всесоюзной конференции одно из бурных заседаний было посвящено созданию Всесоюзного герпетологического общества (ВГО). К сожалению, решить этот важный вопрос полностью тогда не удалось. Поэтому 12–14 января 1991 г. в Пущино (Московская обл.) состоялся так называемый Учредительный съезд ВГО, на котором были обсуждены задачи общества, проведены довыборы руководства (членов президиума и ряда комиссий), а также принят устав ВГО. После распада СССР (1991 г.) ВГО было переименовано в Герпетологическое общество имени А. М. Никольского (идея Н. Н. Щербака, 1989 г.) при Российской академии наук. Президентом общества еще в Киеве был избран И. С. Даревский, который после смерти П. В. Терентьева стал несомненным лидером отечественной герпетологии.

Характерными чертами этапа расцвета советской герпетологии были такие новые научные направления, как цитогенетика, применение биохимических методов (электрофорез белков, ДНК-цитометрия), фенетика популяций, ландшафтная герпетология. Огромное внимание стало уделяться проблемам охраны амфибий и рептилий, особенно составлению списков для Красных книг СССР и союзных республик.

Именно на этапе расцвета советской герпетологии число зоологов-герпетологов сильно возросло и достигло своего максимума (около 250 человек, судя по числу участников последних всесоюзных конференций). Наибольшее их количество было сосредоточено в Москве: Московском университете и Зоологическом музее, других вузах, институтах АН СССР, организациях других ведомств. Московская герпетология это-

го периода охватывала все важнейшие направления нашей дисциплины, включая систематику, фаунистику, экологию, морфологию, палеонтологию, эволюционную и популяционную биологию, природоохранные и медицинские аспекты.

Среди многих десятков замечательных советских профессионалов в первую очередь хочется перечислить те фигуры, которые в известной мере могут восприниматься как символы данного времени. Это — А. Г. Банников, Э. С. Баркаган, В. И. Гаранин, И. С. Даревский, Л. П. Татаринов, Л. И. Хозацкий, Н. Н. Щербак (1927—1998) и многие другие.

Период постсоветской герпетологии

Этот последний период, драматическое начало которого политически было заложено соглашением в Беловежской пуще (декабрь 1991 г.), приведшим к исчезновению СССР, характеризуется печальным распадом прежних внутрисоюзных связей, падением активности или даже исчезновением ряда герпетологических центров и групп в республиках бывшего Советского Союза. Фактически, кроме России, активно работающие группы профессиональных герпетологов остались на Украине, в Казахстане и Киргизии, в меньшей степени — в Белоруссии и республиках Закавказья. Полевые исследования во многих республиках Содружества Независимых Государств (СНГ), пришедшего на смену бывшему СССР, проводятся сейчас довольно часто под руководством и при финансовой поддержке со стороны российских коллег, имеющих отечественные или чаще зарубежные гранты.

Одновременно для российской герпетологии заметными чертами нынешнего периода стали явный рост интереса к герпетофауне собственно Российской Федерации и в меньшей степени других республик, усиление региональных исследований в европейской части, серьезная интеграция в международное герпетологическое сообщество, расширение полевых иссле-

дований за пределы бывшего СССР (Юго-Восточная Азия, Балканы, Турция и т. д.).

Показательно, что в постсоветский период число публикаций на английском (реже — на других иностранных языках) резко возросло. Отечественные герпетологи стали активно осваивать, самостоятельно или в соавторстве с западными коллегами, многочисленные зарубежные издания. С 1994 г. на базе частного московского издательства стал печататься первый в России герпетологический журнал «Russian Journal of Herpetology» («Российский герпетологический журнал»), а на базе болгарского издательства — «Advances in Amphibian Research in the former Soviet Union» («Успехи в изучении амфибий в бывшем Советском Союзе»). Оба издания выходят только на английском языке. Начиная с 1995 г., на русском и иностранных языках были опубликованы обобщающие сводки по герпетофауне России и бывшего СССР в целом, а также по отдельным группам (амфибии, черепахи). Несмотря на все эти достижения, все же ощущается явная необходимость в серьезном герпетологическом ежегоднике, который выпускался бы на русском языке и тем самым способствовал бы интеграции герпетологов СНГ и прилегающих стран.

Географическое распределение центров герпетологических исследований в Российской Федерации в постсоветский период также заметно изменилось. Тем не менее, как и раньше, начиная еще с XVIII — начала XIX столетий, ведущими «герпетологическими» городами пока вне конкуренции остаются Санкт-Петербург и Москва. Однако, к сожалению, произошло заметное угасание (по разным причинам) герпетологических исследований на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. С другой стороны, отрадным явлением стало формирование фактически третьего центра отечественной герпетологии в Поволжье, где с 1995 г. регулярно проводятся региональные кон-

ференции (с участием коллег из других регионов и даже стран), издаются герпетологические сборники, в том числе «Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии» (Тольятти, шесть выпусков с 1995 г.) и большое внимание уделяется просвещению и пропаганде знаний об амфибиях и рептилиях, особенно в плане их охраны. Помимо Казани и Нижнего Новгорода, новыми заметными в герпетологии волжскими городами стали Тольятти и Саратов.

В самом конце 2000 г. в Пушино прошел Первый (фактически второй) съезд Герпетологического общества имени А. М. Никольского, в работе которого приняли участие около 120 человек, преимущественно из европейской части России, а также, к сожалению, лишь немногие коллеги из Белоруссии и Украины. Тем не менее, в опубликованном в 2001 г. сборнике с традиционным уже названием «Вопросы герпетологии» представлены 172 кратких сообщения 230 авторов из России, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана и Украины. Это, несомненно, свидетельствует о стремлении большинства герпетологов бывшего СССР поддерживать и развивать то научное сообщество, организационные рамки которого были заложены в предшествующий (Киев, 1989 — Пушино, 1991) период, несмотря на почти десятилетнее затишье.

Некоторые общие выводы

Оценивая развитие герпетологии в России и сопоставляя ее историю с таковой других близких зоологических дисциплин (например, ихтиологии, орнитологии, териологии), не трудно заметить многие черты, объединяющие эти родственные ветви зоологии. Тем не менее, все же приходится отмечать явное отставание герпетологии по сравнению с другими указанными дисциплинами во все периоды развития, а также ее определенную периферийность (в науковедческом смысле), сохраняющуюся до сих пор. Несомненно, во многом это было

(и есть) обусловлено значительно меньшим вниманием, которое уделялось изучению амфибий и рептилий в нашей стране (в финансовом, кадровом и других отношениях). Действительно, другие группы позвоночных имеют гораздо большую практическую значимость как объекты охоты, питания, торговли и т. д. или большую привлекательность в эстетическом плане (например, птицы). Кроме того, они включают целые группы не только полезных, но и вредных (например, для сельского или лесного хозяйства) или опасных в медицинском отношении видов. В этом смысле большинство амфибий и рептилий были вне внимания населения, государственных организаций и самих натуралистов как бесполезные или даже неприятные объекты («голые и чешуйчатые гады» по старой русской терминологии). Поэтому не удивительно, что в старинных (начиная с древнерусских) источниках чаще всего упоминались именно змеи, в первую очередь ядовитые, укусов которых приходилось остерегаться.

При сравнении с европейской отечественная герпетология развивалась явно медленнее, и фактически она была заимствована из зарубежных источников (сначала, в средние века, из византийских). Неслучайно период реального становления герпетологии в России в XVIII и XIX столетиях совпал с работой преимущественно немецких натуралистов (С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта, П. С. Палласа, Э. А. Эверсманна, А. А. Штрауха и многих других). Однако в 1960–1980-е годы советская герпетология явно набирала высоту, достигла своего расцвета, по ряду направлений стала заметным явлением международного значения (в первую очередь, в изучении видообразования у рептилий в связи с партеногенезом).

Сейчас, несмотря на довольно трудное для занятия наукой в России (и республиках бывшего СССР в целом) вре-

мя, отдельные группы герпетологов, в первую очередь в Санкт-Петербурге и Москве, относительно удачно вписались в международное сообщество, имея неплохую научную репутацию и связи. Однако приходится признать, что общий средний уровень отечественной герпетологии, несмотря на весь энтузиазм, который всячески надо поддерживать, все же заметно отстает от того, что наблюдается в странах Западной Европы, Северной Америке и в Австралии, как в теоретическом, так и в методическом плане. Это во многом связано с отсутствием необходимой научной литературы и современного оборудования.

В заключение отмечу, что герпетология в нашей стране всегда развивалась в «догоняющем режиме» как по отношению к смежным зоологическим дисциплинам, так и к себе самой в экономически развитых странах. Однако благодаря географическому и политическому положению России, начиная с XVIII века, отечественная герпетология занимала одно из лидирующих мест в изучении амфибий и рептилий Палеарктики, особенно ее азиатской части. Именно с этим во многом были связаны наши несомненные успехи в развитии систематики, фаунистики, морфологии и палеонтологии низших наземных позвоночных.

Системные кризисы в нашей стране, как бы она не называлась, революции и войны, конечно, серьезнейшим образом влияли на развитие отечественной науки, ее кадровый состав, институциональную и когнитивную структуру. Тем не менее, несмотря на тяжелейшие испытания и потери, она, словно птица-феникс, каждый раз возрождалась и, опираясь на лучшие традиции, заложенные в предшествующие периоды, развивалась дальше. В свете этого исторический оптимизм предсказывает интересное будущее российской герпетологии как части мировой науки. Однако возможные успехи во многом будут опреде-

ляться пониманием стратегии развития герпетологии со стороны нынешнего и ближайшего следующего поколений. В этой стратегии принципы корпоративной этики и общие интересы науки должны занимать достойное место и преобладать над личными амбициями.

*Л. Я. Боркин**



*Работа выполнена по гранту РФФИ № 02-06-80391.